

С 29 ИЮЛЯ В МОСКОВСКИЙ ПРОКАТ ВЫХОДИТ ФИЛЬМ ДЖИМА ДЖАРМУША «КОФЕ И СИГАРЕТЫ»

Билл Мюррей играет... Билла Мюррея, играющего официанта в дешевой кофейне

Он снискал много поклонников еще на недавнем Московском международном кинофестивале, где демонстрировался вне конкурса. И это как раз неудивительно: **Джим Джармуш** сам говорит о себе, что он не профессионал, а любитель и снимает для любителей. Поэтому среди его «фанов», как правило, киноманы, добровольные пленники кинофестивалей, люди, давно и страстно увлеченные искусством кино.

А вот поклонники традиционного, постановочного Голливуда частенько упрекают Джармуша в желании «выпендриться». В его фильмах нет актуальных тем, выигранных сюжетов и острых поворотов, а если и попадают, то они очень тонко и зло спародированы. Зато есть прекрасные актерские работы, тонкий психологизм и умная человеческая ирония. Диалоги в фильмах Джармуша — как будто бы «ни о чем»: повседневные перекидывания репликами, из которых вдруг как по волшебству складывается тонко выполненный портрет человека и его жизни. Нечто среднее между творческим методом Чехова и Чарльза Буковски: жизнь врасплох, а в ней — намек: вот в этих-то ничего не значащих словах и дышат настоящие почва и судьба...

«Кофе и сигареты» — типичный фильм Джармуша. Это сборник киноновелл, где самые разные люди объединены по воле автора только одним: они живут во времена «поколения кофе и сигарет», то есть сегодня, и это настоящие, обычные, простые американцы. «Все началось с игры, — рассказывает сам Джармуш. — Я подумал: а смогу ли я удачно соединить такого-то известного актера с этим вот известным актером? Я

попробовал, и во время съемок не изображал руководителя, напротив, всячески подбадривал их к импровизации. Я не собирался снимать большой фильм: скорее это были смешные скетчи, розыгрыши, не больше. А потом я включил в фильм Билла Райса и Тейлора Мида, двух звезд андерграунда, они были мне очень дороги. В семидесятые годы, когда я только еще рвался снимать кино, они были моими самыми любимыми актерами. И я сочинил для них такой диалог:

ТЕЙЛОР: Выпьем за Париж тридцатых годов!

...и **БИЛЛ:** А почему не за Нью-Йорк семидесятых?

ТЕЙЛОР: Ах, вот оно что? Ну, давай!

Джим Джармуш забыл сказать, что два старика пьют... кофе, воображая, что это шампанское. И отвратительный кофе в забегаловке американской глубинки под воздействием фантазии и воспоминаний кажется им и в самом деле восхитительным напитком богов.

Об артхаусном кино принято писать большие рецензии, объясняя нюансы времени, страны, своеобразие выразительных средств. Вместо этого мы решили предостеречь слово самому Джиму Джармушу, дав в переводе его интервью французскому журналу «Пари-матч». А фильм, который, конечно, понравится далеко не всем зрителям, в дополнительных объяснениях не нуждается. Так бывает с настоящими произведениями: как много упрятано в подтекст, сколько недосказано — а на самом деле художник выразил все, что хотел, и добавить нечего.

но, в согласии с периодом вашей жизни. Мои психогаллюцинаторные открытия были случайностью. Думаю, что даже марихуана может подтолкнуть к творческому опыту. Например, работаешь над фильмом несколько месяцев и потом вдруг смотришь его под наркотиком, и это меняет угол зрения. И может помочь.

— Как вы относитесь к американской мощи?

— Думаю, Америка переживает последний этап империи. Это одновременно и трагично, и логично. Америка сложилась через геноциды, угнетение как природы, так и аборигенов. Отыскивая золото, обращали в рабство целые народности; строя автодороги, эксплуатировали до смерти китайцев. Да, такая она, история Америки, с того самого дня, когда на ее берега ступила нога европейца. Триста миллионов местных жителей были уничтожены. А Буш не более чем продукт семейной фортуны, и его отец был связан с семьей Бен Ладенов. Эта администрация возросла во вранье и кумовстве. И в то же время Америка за многие годы выкормила неслыханную свободу мысли. Настоящая жемчужина этой культуры — Марк Твен. Я горжусь тем, что я наследник великих американцев. Нет, конечно, я не хочу все мазать черным. Я американец, но я не глуп. Что они пытаются заставить нас проглотить: если мы не поддержим политику Джорджа Буша, мы — предатели! Это меня приводит в бешенство. Если они будут и дальше настаивать, я уеду из этой страны. Потому что я представляю Америку в мире точно так же, как и Дональд Рамсфелд. Даже при том, что власть, деньги, социальное положение не являются моей святой Троицей.

— Патриотизм — это слово что-нибудь значит для вас?

— Я патриот больше, чем они все: я не предатель и не спекулянт. Не я принимал решение вторгнуться в чужую страну, чтобы исподтишка запустить руку в ее ресурсы и наполнить карманы своих друзей. Вот что на самом деле называется предательством! И если американский народ слишком глуп, чтобы увидеть все как есть, если страна населена только благонамеренными христианами, загипнотизированными своим телевизором, если такая, с позволения сказать, культура будет диктовать мне, как мыслить, что говорить, тогда я уеду из такой страны. Посмотрите, что осталось от богатых австрийских купцов восемнадцатого века? Ничего! Все помнят Моцарта, того типа, который сочинял музыку, чтобы заплатить за отопление. Жажда власти и богатства исчезнут, только творчество и мысль способны сопротивляться времени. Вот мое кредо, и оставьте меня в покое.

Дмитрий САВОСИН

— Как вам, уроженцу Нью-Йорка, живется в Лос-Анджелесе?

— Тут мне кое-что нравится: плыть в океане в самый разгар ночи, видется с друзьями. Но если я остаюсь тут больше двух недель, то рискую превратиться в знаменитого убийцу типа Чарльза Мэнсона!

— А нью-йоркцев вы настоящий — ведь родились-то вы в Огайо?

— Нет, не настоящий. Я провожу в Нью-Йорке только половину своего времени. Городская гиперактивность парализует мои желания: невозможно послушать музыку, спокойно почитать, то и дело звонит телефон, кто-нибудь возникает, то вернисаж, то выступает какая-то группа, то надо придумывать трюки. А в деревне — ни-че-го! Там спокойно, среди диких зверюшек.

— Как человек богемы вы, должно быть, чувствуете необходимость иногда посещать оживленные местечки?

— Нет. Я ничто! Я покорно иду туда, где мои приятели назначают мне встречу. Если во время съемок я обожаю менять свои решения тысячу раз в день, то в частной жизни мне нравится, когда все решают за меня. Где пообедать, что посмотреть.

— А дети у вас есть?

— Нет.

— Это случайность?

— Вот не уверен. Да, конечно, у меня должно было бы быть пятеро или шестеро малышей. Но были ложные увлечения, срывы, ничем не закончившиеся. Сейчас мне жаль, что так вышло. Но ведь все это было бы так

сложно, ведь дети рождались бы от разных матерей. Но детей я люблю.

— И вы многому могли бы их научить?

— Я бы не сильно настаивал, чтобы они во всем следовали за мной. Я могу показать дорогу, но пусть они попробуют найти свою. Не надо заставлять их подчиняться нашим амбициям. Если бы я сейчас имел кучу детей, я сказал бы им: «Не слушай моих советов, если они не соответствуют тому, что ты есть».

— А кто передал вам страсть к искусству?

— Моя мама и бабушка, ее мать, которая работала преподавателем. Она была совсем небогатой, но страстно любила литературу, живопись, обожала Рембрандта, Вермеера, читала Пруста, и я разделял с нею биение его сердца, обсуждал мои увлечения и неприятия, она учила меня понимать их... чудеснейший опыт!..

— А некорректная критика ваших фильмов не выбивает вас из колеи?

— Нет. Много раз мою личную жизнь полоскали люди, которые меня совсем не знают. Я не чувствовал себя уязвленным, мне просто плевать на это. Если твой труд осуждают друзья, это будит желание копать дальше. А необоснованные нападки не поддаются нашему пониманию, так что ж на них обижаться? Жизнь и так коротка. А это потеря энергии.

— Такая точка зрения сродни буддистской... Вы регулярно медитируете?

— Да, когда я в деревне, я медитирую на свой лад, просто в технике вдоха и задержки дыхания, чтобы попробовать удержать утекающее мгновение. И если удается задержать дыхание больше трех секунд, если три секунды вокруг меня нет ничего, кроме вот этого мгновения, — это потрясающее умиротворение.

— Если фильм не приносит дохода, это тоже на вас совсем не действует?

— Это влечет за собой трудности при съемках следующего фильма. Я собственник всех моих фильмов, мы сами их распространяем, сами договариваемся о прокате. Это все дорого стоит, и все-таки я не хочу производить фильмы ради денег! Для этого есть другие режиссеры. И большие студии, которые командуют ими, говорят, что им снимать, изучают рынок. Я вообще не «профессионал», а «любитель». А любитель снимает то, что он любит.

— У вас есть секрет — как выглядеть на 35 лет, когда вам уже 50?

— Ну, не знаю, я живу вполне здоровой жизнью, я вегетарианец, бегаю, делаю упражнения. Курю, много не пью, не принимаю наркотиков, после того как все это попробовал еще до тридцатилетия.

— И некоторые наркотики открыли перед вами манящие творческие перспективы?

— Да, активизирующие психическую деятельность, галлюциногенные грибы особенно, открыли мне новые миры, необыкновенные. Но принимать их надо только специаль-